

Глава 3

Высокотехнологичная система внеземного происхождения, похоже, проигнорировала глубокое потрясение Ся Чэня, лишившее его дара речи. Она лишь бесстрастно повторила:

[Желаете войти в Системное пространство?]

Ся Чэнь долго молчал. Лишь спустя минуту он с трудом выдавил:

— Нет. Выпусти меня.

[Система не способна контролировать сознание Хозяина. Хозяин может покинуть пространство самостоятельно.]

Немного подумав, Ся Чэнь мысленно приказал себе вернуться. Перед глазами действительно потемнело, навалилась привычная телесная тяжесть — он снова обрёл плоть.

Семь лет он скитался бесплотным призраком, так что внезапное возвращение в физическую оболочку далось ему нелегко. Ся Чэнь приложил немало усилий, чтобы заставить себя открыть глаза и пошевелить пальцами. Каждое движение выходило неуклюжим, будто у тяжелобольного, который только-только пришёл в себя после многолетнего сна.

Цяонянь как раз выжала влажное полотенце, собираясь сменить то, что уже нагрелось на лбу Ся Чэня. Вдруг она заметила, что ребёнок, двое суток лежавший в беспомощности, открыл глаза и наблюдает за ней немигающим взглядом тёмных, точно спелые вишни, глаз.

От неожиданности невестка вздрогнула, едва не выронив полотенце прямо ему на лицо. Ся Чэнь слабо моргнул и, с трудом натянув на губы улыбку, попытался заговорить:

— Сно...

— Матушка! — взвизгнула Цяонянь и со всех ног бросилась вон из комнаты, на бегу задев стол и опрокинув чайник. — Матушка! Далан! Юаньбао очнулся! Юаньбао пришёл в себя!

Ся Чэнь мог лишь провожать её взглядом. Говорить было безумно трудно. Прежний Ся Чэнь, маленький дурачок, отродясь не произнёс ни слова, поэтому его связки онемели от долгого бездействия. Мальчик честно пытался выдавить простое «сноха», но женщина уже скрылась за дверью.

Не успел он опомниться, как скромная комната заполнилась людьми. Госпожа Ся, которую только-только подняли с постели, успела лишь набросить тёплую куртку поверх исподнего. Волосы её растрепались, но она не обращала на это внимания: рыдая, женщина припала к

постели и крепко обняла своего наконец-то очнувшегося младшего сына, не в силах выпустить его из объятий.

— Быстрее, пошлите за лекарем Чжаном! Пусть осмотрит нашего кроху! — зычно скомандовал господин Ся.

От сильного волнения шрам на его лице задергался, придав ему довольно грозный, даже пугающий вид.

Выглянув из-за плеча матери, Ся Чэнь заворожённо уставился на отца. Даже изувеченное суровыми шрамами лицо господина Ся всё ещё хранило следы былой мужской красоты.

Господин Ся всю жизнь провёл в седле и походах. Семейное благосостояние он заслужил потом и кровью, буквально вырывая победы на полях сражений, откуда вернулся калекой. Помимо глубокой отметины, перечеркнувшей лицо по диагонали, старый воин припадал на одну ногу и лишился двух пальцев на руке.

Деревенская ребятня за версту обходила сурового мужчину, а за глаза старожилы и вовсе звали его «старым чертом Ся». Но когда Ся Чэнь скитался бесплотным духом, он раз за разом наблюдал иную картину: как грозный отец усаживал маленького дурачка на свои широкие плечи или покорно опускался на четвереньки, катая сына на спине, лишь бы вызвать улыбку на лице немого ребёнка. Господин Ся смеялся вместе с ним — его смех тоже мог нагнать страху, шрам багровел и извивался, точно живой червь, но Ся Чэнь прекрасно знал, сколько нежности и терпения скрывалось за этим уродством.

— Чего ты так близко встал? Только дитя напугаешь, — упрекнула мужа госпожа Ся.

Немного успокоившись, она попыталась заглянуть сыну в глаза, но заметила, что тот уставился куда-то поверх её плеча. Проследив за его взглядом, она наткнулась на изуродованное лицо супруга.

Господин Ся виновато отступил на шаг, но так и не смог оторвать любящего взгляда от младшего сына. Он рефлекторно приподнял руку, намереваясь прикрыть шрамы по обычаю утончённых книжников широким рукавом, но, будучи военным до мозга костей, всегда презирал просторные одеяния. Его узкий, облегающий рукав не мог скрыть и половины лица.

Ся Чэнь поспешно протянул к нему худенькие ручонки и, старательно выговаривая звуки, пролепетал:

— Па... па-па... об-ними...

Семилетний мальчик говорил невнятно и запинаясь, словно годовалый младенец, но для потрясённого семейства Ся этот робкий лепет прозвучал слаще небесной музыки. Все

присутствующие застыли, а на глазах у них выступили слёзы.

— Мой сынок заговорил! — Голос господина Ся дрогнул. Он бережно, силясь унять дрожь в руках, подхватил Ся Чэня и ласково зашептал: — Юаньбао, милый, ну-ка скажи ещё раз. Назови отца.

Ся Чэнь послушно повторил, и на этот раз слово вышло гораздо чётче. Старый воин буквально растерялся от нахлынувшего счастья. Госпожа Ся, приревновав, тут же протиснулась ближе, выпрашивая заветное «матушка». Старший брат Ся Далан со своей супругой Цяонянь тоже не остались в стороне. Ся Чэню пришлось одарить вниманием каждого. И всякий, чьё имя срывалось с его детских губ, расплывался в улыбке шире некуда, словно нашёл на дороге кошель с серебром.

Лишь когда Ся Чэнь охрип от усердия и попросил пить, взбудораженные родственники наконец пришли в себя. Они поспешно поднесли ему тёплой воды, подслащённой мёдом, и принялись наперебой обсуждать, чем бы повкуснее накормить выздоравливающего.

Семья Ся владела сотней му плодородных земель и имела несколько надёжных источников дохода, по праву считаясь одной из богатейших в округе деревни Цинхэ. Кухонными делами заправляла немолодая служанка — господин Ся выкупил её в уездной посреднической конторе. Она славилась умением готовить изысканную выпечку, и за этот редкий кулинарный талант хозяин не пожалел отдать целых пять лянов серебра. К слову, молодая и крепкая девка обошлась бы ему всего в четыре.

Звали стряпуху Старой девой Лэй. Было ей немногим больше сорока лет, но в эту эпоху сорокалетние уже считались глубокими стариками.

Прослужив много лет в богатых столичных усадьбах, Старая дева Лэй отличалась редкой услужливостью и намётанным глазом. Она быстро смекнула, что маленький дурачок Ся Чэнь — главное сокровище в доме, которого баловали куда сильнее, чем даже старшего внука Дунгэера. Лэй регулярно радовала ребёнка его любимыми сладостями, отчего заслужила искреннее расположение всех домочадцев.

Едва прослышав, что маленький барин пришёл в себя, а госпожа велит накрывать на стол, служанка поспешно наполнила поднос лакомствами. Отогнав юную помощницу Гуйхуа, Старая дева Лэй сама притащила угощение в спальню. Нацепив на покрытое глубокими морщинами лицо маску глубочайшей скорби, она запричитала над постелью мальчика, сокрушаясь о его тяжких страданиях и обещая приготовить самый наваристый бульон, чтобы поскорее восстановить его силы.

— Растущий организм голода не терпит. Пусть молодой господин пока перекусит сладостями, а я мигом сотворю что-нибудь посущественнее, — елеиным голосом пропела Старая дева Лэй.

Госпожа Ся с одобрением кивнула — забота старой служанки пришлась ей по душе.

Ся Чэнь сохранял на лице выражение сонной глупости, но внутри него бушевал ураган.

"Система! Живо проверь эти пирожные! В них есть яд?" — мысленно закричал он.

И это не было приступом паранойи. Мальчик точно знал: приторно-любезная Старая дева Лэй приложила руку к тому, что он едва не утонул в ледяной реке.

Домочадцы пылинки сдували с больного ребёнка, и никто в здравом уме не отпустил бы немого дурачка гулять без присмотра.

Хоть семейство Ся и считалось зажиточным в деревне Цинхэ, по сути они оставались мелкими землевладельцами, едва перешагнувшими порог крестьянского быта. До звания уважаемых (местной знати) им было ещё далеко. Вся их челядь состояла из трёх душ: Старой девы Лэй, Старика Юя, который немного разумел в счёте и помогал хозяину вести дела, да бойкой девчушки Гуйхуа лет двенадцати, бывшей на подхвате у кухарки.

В день трагедии, когда едва сошёл первый весенний снег, взрослые разрывались между домашними хлопотами. Присматривать за немым дядей поручили двум племянникам — Дун-гэеру и Нань-гэеру.

Дун-гээр, старший сын брата Ся Цзиньцзы, едва разменял первый десяток, а Нань-гээр был старше Ся Чэня всего на три месяца. Мальчишки такого возраста, не обременённые учёбой в школе и избалованные достатком, изнывали от скуки в четырёх стенах.

Стоило родителям отвернуться, как сорванцы решили сбежать. Дун-гээр сунул Ся Чэню сладкое сушёное яблоко и строго-настрого велел стоять посреди двора и ждать их возвращения. После этого братья шустро юркнули за калитку.

Прежний Ся Чэнь, несмотря на свой недуг, отличался поразительным послушанием. Сказали стоять — он и стоял посреди пустого двора, усердно обсасывая липкое лакомство.

Но стоило племянникам скрыться, как из тени бесшумно, словно из-под земли, вынырнула Старая дева Лэй. Несколькоми ласковыми фразами она выманила глупого ребёнка за ворота, увела в глухой переулок и без зазрения совести бросила одного.

Будь на её месте чужак, мальчик ни за что бы не пошёл. Но стряпуха слишком часто баловала его сладким, и в детском затуманенном разуме она прочно ассоциировалась с близкими людьми. На эту нехитрую приманку он и попался.

Ся Чэнь не знал дороги домой. Оставшись один, он испуганно застыл на месте. И надо же было случиться такому «совпадению»: мимо проносилась ватага деревенских мальчишек. Заметив беспомощно озирающегося дурачка, кто-то глумливо предложил позабавиться. Дальнейшее восстановить было несложно.

Глупый ребёнок ничего не понял, но теперь, обретя ясный разум, Ся Чэнь видел скрытые пружины этих событий. Слишком много совпадений. Зачем служанке выводить его со двора и бросать неподалёку, рискуя быть пойманной в любой момент? В этом действии не было никакого практического смысла, если только...

...если только падение в ледяную реку не планировалось заранее. Старая дева Лэй наверняка знала, что у реки его поджидает беда, и сознательно сыграла роль послушного орудия в чьих-то руках.

Ся Чэнь искренне не понимал мотивов служанки. Она жила под их крышей больше четырёх лет. Семья Ся никогда не отличалась крутым нравом: слуг не избивали, кормили досыта и не морили тяжёлой работой. К тому же её купчая находилась в руках госпожи Ся. Какое безумие толкнуло пожилую женщину на предательство?

В этих тайнах предстояло разобраться досконально. И дело было не только в жажде возмездия за погубленную душу прежнего владельца тела. Смерть немого дурачка не принесла бы никому выгоды. Значит, истинный удар метил гораздо выше — в саму семью Ся. Получив столь любящих и преданных близких, Ся Чэнь поклялся защитить их во что бы то ни стало.

После пережитого Ся Чэнь не смел притрагиваться к стряпне Старой девы Лэй без опаски. Вдруг мерзавка решит довести дело до конца и подсыплет яд? Ещё одной смерти его измученная душа могла просто не пережить — едва ли загадочная Система сумеет вытащить его с того света во второй раз.

Действовать, однако, следовало осторожно, не выдавая своей внезапной проницательности. Стряпуха не должна заподозрить неладное. Ей суждено было стать отличной наживкой, на которую Ся Чэнь рассчитывал выманить главного хищника.

Хоть Система и казалась порой нелепой игрушкой, в критический момент она сработала безупречно. В сознании мгновенно высветилось системное уведомление:

[Проверка завершена. Изделие из клейкого риса. Токсины не обнаружены. Пригодно к употреблению. Предупреждение: пищеварительная система Хозяина ослаблена после болезни. Продукты из клейкого риса могут вызвать тяжесть в желудке. Рекомендуется ограничить порцию или воздержаться от еды.]

Ся Чэнь вздохнул с облегчением — его «золотой палец» всё же имел практическую пользу. Похоже, при первой возможности действительно стоило лучше изучить Системное пространство. Кто знает, какие ещё секреты оно таит?

Человеческая психология проста: если подозреваешь кого-то в подлости, любое его действие кажется зловещим умыслом. Даже зная, что лакомство безопасно, Ся Чэнь мысленно приписал кухарке коварное намерение забить его ослабленный желудок трудноперевариваемой пищей.

Изображая прежнего дурачка, Ся Чэнь неуклюже схватил пирожное грязными пальцами и принялся жадно, давясь крошками, заталкивать его в рот. Он усердно жевал, пока не закашлялся и, захлёбываясь, не замычал, требуя запить.

Перепуганная госпожа Ся бросилась наливать воду, а Цяонянь поспешно вырвала тарелку из рук кухарки и велела унести угощение подальше, чтобы прожорливый ребёнок снова не потянулся к сладкому.

Пока Ся Чэнь совещался с Системой, Старая дева Лэй украдкой наблюдала за ним из-под полуприкрытых век. Мысли её были далеки от благочестия. Стряпуха искренне досадовала на невероятную живучесть немого калеки. Надо же — свалиться в ледяную полынью в лютый мороз и выкарабкаться практически невредимым!

Всё из-за этого проклятого старого даоса Сюя, решившего проявить благородство! Впрочем, высказывать недовольство вслух служанка не смела. Сюй Хэлай мог казаться бродягой и нищим отшельником, но Лэй прекрасно знала, что за его потрёпанным халатом скрывается сила, с которой обычному смертному лучше не шутить.

Услышав радостные вопли господина Ся о том, что немой Юаньбао заговорил, старуха едва не лишилась чувств от страха. Неужели сбылись глупые рассказы деревенских кумушек, уверявших, будто сильный жар порой возвращает безумцам рассудок?

Но, приглядевшись к поведению мальчика, она успокоилась. Ребёнок по-прежнему выглядел глуповато, лепетал бессвязные младенческие звуки и ничуть не дичился её присутствия. Чуть расслабившись, Лэй решила затаиться на несколько дней и действовать с удвоенной осторожностью, выжидая нового удобного случая.

<http://bllate.org/book/18260/1751555>